

ВЫХОД
В КЛЕТКУ

ЛАНА ФРЕЙТАГ

Лана Фрейтаг

Выход в клетку

«Литнет»

2026

Фрейтаг Л.

Выход в клетку / Л. Фрейтаг — «Литнет», 2026

Вторая книга дилогии. Начало истории — в книге «Когда волки голодны».—Ника Грин сделала правильный выбор.Вышла замуж за Дениса Харпера, сохранила будущее компании и получила жизнь, в которой есть все: деньги, защита, статус, безупречный муж и фамилия, открывающая любые двери.Со стороны это выглядит как победа.Пока Волк готовится к реваншу, прошлое, которое Ника пыталась оставить позади, возвращается вместе с ним. То, что связывает их, уже невозможно вычеркнуть.Но чувства — не единственное, что выходит из-под контроля. Волка начинают шантажировать правдой, способной уничтожить его имя и карьеру. Денис вступает в войну за власть внутри собственной семьи. А Ника все глубже проваливается в мир, где за дорогими свадьбами, модельными лицами и большими деньгами прячутся грязные тайны, старое насилие и борьба за наследство.

© Фрейтаг Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

— Нахрена мы вообще сюда полезли? Нас тут сейчас просто положат, спасатель хренов.

— Если ты сейчас не заткнешься, нас точно положат, — процедил Волк, не сбавляя шага.

Ночь здесь не охлаждала ничего. Жара липла к коже, въедалась под одежду, смешивалась с запахом соли, выхлопа и влажной зелени. Дорога шла между темными холмами и редкими огнями, а за пределами света все выглядело так, будто мир кончается в нескольких шагах от обочины.

Они стояли в тени у служебного выезда из частной виллы над бухтой. Сверху, за черными пальмами, сквозь листву мигали теплые огни. Белый камень, стекло, вода в бассейне, музыка, охрана у парадного входа. Все выглядело как место, где очень богатые люди покупают себе удовольствие и тишину. Но Волк уже слишком хорошо знал этот тип роскоши. Самые дорогие клетки почти всегда выглядели безупречно.

Слева нервно дышал Саня. Крепкий, сбитый, стриженный почти под ноль, он приехал на сборы в команду другого бойца и за три недели стал единственным человеком в лагере, рядом с которым Волк мог молчать без раздражения.

— Напомни, почему мы не могли просто вызвать полицию? — прошипел он.

— Потому что это не тот мир, где полиция решает проблемы, — так же тихо ответил Волк.

Сегодня ночью ее должны были отправить дальше по воде. До марины. Потом на катер. Потом туда, где искать ее было бы уже поздно и слишком дорого.

— Времени три минуты, — сказал Волк, коротко глянув в телефон.

Саня выдохнул сквозь зубы.

— Ты точно нормальный?

— Нет.

Служебная дверь внизу открылась.

Оба сразу замерли.

Из полосы света сначала выскользнула тонкая фигура в темном платье. Девушка шла быстро, почти не оглядываясь, но в каждом ее движении чувствовалось не спокойствие, а отчаянная попытка его изобразить. За ней вышла женщина постарше, в черном брючном костюме. Координатор. Такие не хватают за волосы и не орут. Они улыбаются, бронируют виллы, держат твой паспорт в сейфе и умеют одним взглядом сделать так, что ты сама начнешь извиняться за попытку сбежать.

— Не одна, — тихо бросил Саня.

Волк уже видел.

Координатор что-то сказала девушке. Та покачала головой. Слишком резко. Женщина сразу насторожилась.

Еще секунда — и все посыпалось.

Девушка сорвалась с места.

Координатор успела схватить ее за руку, дернула на себя, почти без шума, профессионально, как будто делала это не в первый раз. Девушка сдавленно вскрикнула. Волк рванул вниз раньше, чем Саня выругался у него за спиной.

Он добрался до них в три шага.

Координатор даже не успела понять, кто перед ней. Волк перехватил ее запястье, отвел руку от девушки и коротко, жестко толкнул женщину в стену. Без лишней силы, но так, что она ударилась затылком о камень и съехала вниз, хватая воздух.

— В машину, — бросил он девушке.

Она не двигалась.

Глаза у нее были пустые, слишком расширенные, как у человека, который несколько дней жил на одном адреналине и наконец увидел шанс, в который уже почти не верил.

— Живо, — рывкнул Саня, подлетая сбоку.

Девушка сорвалась с места.

Сверху мгновенно заорали на тайском. Где-то хлопнула дверь. В белом свете у лестницы мелькнули двое охранников.

— Побежали! — прорычал Саня.

Они рванули к дороге.

Жара ударила в легкие раскаленным паром. Подошвы скользили по влажному асфальту. Девушка бежала плохо, спотыкаясь, захлебываясь воздухом. На втором повороте ее окончательно повело. Волк выругался, подхватил ее за локоть, потом просто дернул на себя и почти толкнул на заднее сиденье.

Саня уже заводил двигатель.

Сзади вспыхнули фары.

— Ну конечно, блядь, — сказал Саня и резко вывернул руль. Шины взвизгнули на повороте.

За окнами проносились черные склоны, редкие огни, куски неона, мокрый блеск дороги. Волк обернулся.

Один внедорожник сел им на хвост сразу.

— До марины сколько? — спросил он.

— Минут двенадцать, если нас не размажут раньше.

Девушка на заднем сиденье сжалась в комок, вцепившись пальцами в край кресла. Без каблучков, с размазанной под глазами косметикой, она уже не походила на картинку из съемки. Только на очень молодую девчонку, которая поняла цену красивой жизни слишком поздно.

— Телефон, — сказал Волк.

Она молча отдала ему айфон.

— Локация включена, — бросил он Сане.

— Да я уже понял.

Он открыл окно и без размаха выбросил телефон в темноту за бортом. Девушка коротко вздрогнула. Волк достал из бардачка дешевый кнопочный аппарат и протянул ей.

— Паспорт? — коротко спросил он.

Она качнула головой.

— У них.

— Хорошо. Значит, тебя поведут по запасному маршруту.

Она подняла на него глаза.

— А если меня снимут на выезде?

— Не снимут.

Это прозвучало так спокойно, что даже Саня на секунду покосился на него. В машине стало тихо. Только мотор, шины, тяжелое дыхание и далекая музыка крови в висках.

Сзади внедорожник приблизился еще.

— Волк, — сказал Саня. — Или мы сейчас красиво отрываемся, или они нас догонят у съезда.

Волк смотрел вперед.

Черная дорога резко уходила вниз, к воде. Где-то там, за поворотом, начиналась частная марина. Андрея клялась, что катер будет ждать не дольше пяти минут. Человек на причале вопросов не задаст. Деньги уже переведены. Им нужно было только довести девушку живой и не дать ее вернуть обратно.

— Держи левее, — сказал Волк.

— Там серпантин.

— Я вижу.

Саня зло усмехнулся.

— Наконец-то нормальный план.

Машина влетела в поворот. Сзади взвизгнули тормоза. Фары на секунду дернулись, смазались, и Волк понял: хватит.

Он развернулся к девушке.

— Слушай меня внимательно. На причале тебя встретит мужчина в белой рубашке. Не споришь. Не задаешь вопросов. Своего имени не называешь. Все, что было до этого, для тебя закончилось.

Она смотрела на него несколько секунд, потом хрипло спросила:

— Ты сам в это веришь?

Волк не ответил.

Черная вода уже мелькала между пальмами. Огни марины дрожали впереди, как приманка.

И в этот момент ему в голову вошло совсем не это. Не мокрая дорога. Не катер внизу. Не чужая девчонка, вжавшаяся в сиденье так, будто у нее еще был шанс проснуться в другой жизни.

Ника.

Светлая кожа под его ладонью. Тонкая шея. Упрямый подбородок, который так и тянуло сжать пальцами и заставить смотреть только на него. То, как она держалась рядом с ним — ровно, холодно, будто все контролирует, будто между ними не искрит воздух, не сводит внутренности и не хочется сорваться раньше, чем включится разум.

Он слишком хорошо помнил ее губы. Помнил ее дыхание у своего рта. Помнил, как она замирала всего на секунду, когда он подходил ближе, и как потом все равно не отступала. Помнил тот взгляд снизу вверх, после которого уже поздно было врать себе, что это можно переждать.

И от одной мысли, что теперь ее придется вырывать у мира урывками, по часам, почти тайком, у него внутри медленно и тяжело поднималась ярость.

Ждать.

Прятаться.

Подстраиваться под чужой график. Под ее осторожность. Под чужую фамилию. Под чужую постель.

Смотреть, как она оглядывается перед встречей с ним. Слушать, как она понижает голос. Получать ее не целиком, а кусками, как будто речь не о женщине, а о чем-то украденном.

У Волка свело челюсть так, что в висках сразу тяжело толкнулась кровь.

Он, Николай Волков, не привык хотеть женщину так, будто она уже сидит у него под кожей. Не привык терпеть. Не привык делить. Не привык брать ее тайно, как будто на нее у него нет права.

Особенно после того, как слишком хорошо понял: ничего живее и опаснее в его жизни уже не будет.

— Сука, — очень спокойно сказал он.

Саня покосился на него.

— Чего?

Волк не ответил.

Машина уже слетала вниз к марине. Впереди блеснула вода, канаты, пришвартованные катера, белые столбы света. Сзади снова приблизились фары.

Одну женщину этой ночью он все-таки успел вытащить из дорогой клетки.

Вторую — оставил в ней.

Потому что Ника никогда не просила ее спасти.

Глава 1

Ника с закрытыми глазами считала секунды до того момента, когда сможет наконец от него отстраниться.

Губы Дениса двигались уверенно и правильно. Для чужих глаз все выглядело безупречно: идеальный жених, идеальная невеста, сияющий летний день, белые цветы, солнечные блики на воде. Но уже в следующую секунду тело предало ее. Слишком быстро, слишком зло, слишком не вовремя. Сквозь чужой правильный поцелуй проступил другой. Не тот, о котором можно было вспомнить сегодня.

Она сильнее стиснула букет. Стебли чуть хрустнули в ладони. Нежные кремовые розы дрогнули, но Нике было уже все равно. Во рту будто еще жила не эта осторожная, правильная близость, а совсем другая. Жадная. Темная. После которой уже невозможно вернуться в чужую жизнь как ни в чем не бывало.

Два месяца Ника не позволяла себе даже мысленно произносить его имя.

— Дамы и господа, с радостью представляю вам Дениса Харпера и Нику Грин.

Аплодисменты ударили сразу, густо, со всех сторон. Кто-то уже тянулся за телефоном, кто-то смеялся, кто-то поднял бокал раньше времени. Мир вокруг резко стал громче, ярче, ближе. Солнце било в глаза без жалости. Озеро за аркой сверкало так ослепительно, будто и оно было частью этой дорогой, безупречно выстроенной картинке.

Денис не отпустил ее сразу. Его ладонь все еще лежала на ее талии твердо и спокойно. Он смотрел на нее с открытым мужским торжеством, от которого у другой женщины, наверное, подогнулись бы колени. В его взгляде было все сразу: гордость, желание, уверенность в себе и тихая, почти опасная радость победителя. Он действительно верил, что выиграл этот день красиво и навсегда.

Ника заставила себя улыбнуться. Ровно настолько, насколько от нее ждали. Не больше. Она уже слишком хорошо знала цену лишней искренности.

— Вот так лучше, — сказал Денис тихо, почти не разжимая губ. Со стороны это выглядело нежностью. — А то у тебя был такой вид, будто я веду тебя не к алтарю, а на казнь.

Улыбка на ее лице не дрогнула. Только пальцы сильнее врезались в стебли.

— Просто жарко, — так же тихо ответила она.

Денис скользнул взглядом по ее лицу слишком внимательно. Не как счастливый жених, ослепленный своим триумфом. Как мужчина, который привык замечать сбои в том, что считает своим.

— Да? — в его голосе мелькнула почти невидимая усмешка. — А мне на секунду показалось, что ты думаешь о чем-то другом.

Сердце ударило тяжело. Один раз. Так, что у нее перехватило дыхание.

Он не мог знать. Не должен был. После той ночи они с Волком не виделись. Ника сама выжгла из своей жизни любую случайность, любой лишний шаг, любой взгляд в его сторону. Два месяца она держала себя так жестко, что иногда почти верила: да, можно дотянуть до развода. До той жизни, где они наконец перестанут врать себе. Но тело, как всегда, сказало правду раньше разума. И Денис, кажется, это увидел.

Ника медленно выдохнула и подняла на него глаза.

— Конечно, о другом, — сказала она легко. — О том, сколько камер сейчас снимают нас с худшего ракурса.

Он усмехнулся.

— Вот за это я тебя и люблю, — сказал он негромко. — Пока все вокруг сходят с ума от эмоций, ты думаешь о картинке.

Ложь прозвучала так гладко, что в нее почти можно было поверить. Денис любил в ней не хрупкость и не нежность. Он любил собранность. Контроль. То редкое качество, которое позволяет женщине красиво держаться там, где другие уже пошли бы ко дну.

Он чуть сильнее повел ладонью по ее талии, мягко разворачивая ее к гостям. И под новый всплеск аплодисментов Ника вдруг отчетливо поняла: это больше похоже не на свадьбу.

На выход в клетку.

Тот же удар света в лицо. Тот же шум толпы, от которого не спрятаться. Те же камеры, жадно ловящие каждую секунду. Только там в лицо били прожекторы, а здесь — слепящее летнее солнце. Там была черная сетка, здесь — белая арка и цветы. Но тело узнало это раньше разума. И от этого стало по-настоящему страшно.

Она скользнула взглядом по первому ряду и сразу нашла отца. Идеальный темный костюм. Спокойное лицо. Любой посторонний увидел бы только собранность и тихую гордость. Но Ника слишком хорошо знала этот взгляд. За полчаса до церемонии, когда он вел ее к арке, его рука на ее локте сжалась чуть крепче, а голос для такого дня прозвучал слишком тихо. Слишком серьезно.

Ты точно уверена? Ты правда любишь его?

Тогда она ответила то, что должна была ответить. Спокойно. Без паузы. Но сейчас, встретившись с ним глазами, Ника поняла: он не поверил ни одному ее слову. И впервые в жизни она не смогла прочитать его лицо.

Ника вздрогнула.

Чужие прохладные пальцы легко коснулись ее виска, убрали выбившуюся прядь и скользнули к щеке.

— Улыбайся, — тихо сказала Андрея, не меняя спокойного лица. — Потом будешь держаться.

Ника застыла. Голос Андреи прозвучал почти как спасение. До последнего Ника думала, что та вообще не придет. На церемонию Андрея и так опоздала.

Денис уже повернулся к одному из гостей, принимая поздравления. Вспышки били в глаза одна за другой. Но у Ники внутри за эту секунду все сжалось так резко, будто кто-то сжал пальцы прямо у нее на сердце.

— Где ты была? — одними губами спросила она, не переставая улыбаться.

Андрея поправила край фаты у нее на плече, чуть наклонилась ближе, будто проверяя, не размазалась ли помада.

— Пыталась до тебя добраться, — так же тихо ответила Андрея. — Ты очень не вовремя исчезла. У вас в лиге все уже решили, а ты выпала из мира.

Букет в руках у Ники вдруг стал тяжелым, почти неудобным. Она машинально перехватила его крепче и почувствовала, как стебли снова впились в кожу.

— Что случилось?

— Не дергайся, — ласково сказала Андрея и легким движением расправила кружево у нее на груди. — На вас сейчас смотрят.

Ника все-таки дернулась. Совсем чуть-чуть. Но Андрея заметила и это.

— Он уже здесь. Завтра у тебя еще будет шанс, — шепнула она.

Воздух застрял у Ники в горле.

Андрея отступила на полшага, быстро окинула ее взглядом и поправила букет так, будто только ради этого и подошла.

— Одну секунду, — сказала Андрея уже громче, с безупречной светской улыбкой для камер. Потом наклонилась еще раз и почти беззвучно добавила: — Если хочешь увидеть его до отъезда, решай сейчас.

К концу церемонии Нике казалось, что этот день длится уже неделю.

Она выдержала все как надо. Улыбалась. Принимала поздравления. Говорила с нужными людьми. Позволяла себя обнимать, разглядывать, фотографировать. Выдержала солнце, шум, жару, поток правильных слов и чужих влиятельных лиц. Но сейчас ей хотелось только одного: исчезнуть хотя бы на несколько минут. Без Дениса. Без гостей. Без этой новой роли, которая легла на нее слишком плотно и слишком быстро.

Она влетела в первую свободную кабинку и прямо в свадебном платье рухнула на закрытую крышку унитаза. Здесь было прохладнее, тише, и от этой тишины вдруг стало почти больно. Ника уперлась локтями в колени, стиснула пальцами виски и закрыла глаза.

Всего пять минут. Без чужих рук, чужих голосов и улыбки, от которой уже сводило скулы.

Дверь мягко открылась.

Ника сразу распахнула глаза.

По мозаичному полу осторожно застучали каблук. Тонкие, высокие, дорогие. Женщина шла медленно, будто не хотела шуметь. Или искала не место у раковины, а кого-то определенного.

Да чтоб тебя.

Ника замерла и быстро подтянула подол выше, чтобы белая ткань не выдала ее снизу. Дышать она тоже стала тише, словно это и правда могло помочь. Сердце после церемонии и так билось неровно, а теперь заколотилось еще чаще, зло и глухо, отдавая в горло.

Каблуки остановились у зеркала.

Несколько секунд ничего не происходило. Только тихий шорох ткани, тонкий запах дорогого парфюма и эта странная пауза, в которой любой звук вдруг начинал значить слишком много.

Потом тень под дверью сдвинулась.

Женщина не пошла к раковинам. Не повернула к выходу. Она медленно двинулась вдоль кабинок, будто точно знала, что здесь кто-то есть. Один шаг. Второй. Третий. И остановилась прямо напротив Ники.

У Ники пересохло во рту.

Тень не уходила. Наоборот, подошла еще ближе. В узкой полоске света под дверью показались острые носы туфель. Женщина стояла слишком близко. Будто прислушивалась. Или смотрела вниз. Или уже заметила край белого платья, который Ника не успела убрать до конца.

В груди резко похолодело.

В следующую секунду Ника вскочила так резко, что тяжелая юбка ударилась о дверь, и рывком распахнула кабинку.

— Господи, Тина!

Перед ней стояла Тина Харпер. Молодая жена Джона, красивая той дорогой красотой, которую обычно хочется разглядывать издалека. Но сейчас Ника увидела только глаза. Красные, влажные, совсем не похожие на глаза счастливой женщины.

Ника смотрела на нее молча и с неприятной ясностью понимала: дело не в нервах, не в трогательности момента и не в свадебной сентиментальности. Так не плачут от умиления. Так плачут, когда тебя дожали, унизили или напомнили, кому ты здесь принадлежишь.

Тина первой отвела взгляд, достала из клатча салфетку и осторожно промокнула уголок глаза.

— Прости, — сказала она тихо, слишком быстро, будто заранее отрепетировала именно такой тон. — Не хотела тебя пугать.

— Что случилось? Почему ты плачешь?

— Все в порядке, — поспешно ответила Тина и сразу попыталась улыбнуться. — Не бери в голову. Семейное.

Улыбка вышла красивой и почти убедительной, но глаза ее не поддержали. Тина снова поднесла салфетку к лицу, и в этот момент тонкий рукав платья чуть съехал вниз. На внутренней стороне запястья темнел след. Неяркий, но уже наливающийся цветом.

Ника сначала посмотрела на синяк, потом подняла глаза на Тину.

— Это тоже семейное?

Сказать что-то теплое и правильное было бы логично. Наверное. Но сочувствие не приходило. Может быть, потому что Денис никогда не говорил о Тине как о человеке. Только как о проблеме. Как о женщине, после появления которой в семье все стало сложнее, грязнее, опаснее. Как о матери двух мальчиков, которые однажды тоже встанут в очередь за фамилией, деньгами и властью.

Но дело было не только в Денисе.

Нику царапало другое. Тина вошла сюда не как женщина, которой просто нужно перевести дыхание. Она кого-то искала.

Тина это тоже поняла, но на прямой вопрос не ответила.

Она смяла салфетку в пальцах, отвела взгляд и вдруг спросила совсем не то, что должна была спросить:

— Ника, скажи мне честно, откуда у тебя Андрея? И зачем ты привела ее сюда?

Вопрос ударил так резко, что Ника не сразу ответила.

— Это сейчас самое важное? — холодно спросила она.

— Да, — сказала Тина без паузы. — Откуда ты ее знаешь?

Ника прислонилась плечом к двери кабинки.

— Мы знакомы давно. Почему тебя это вообще волнует?

Тина коротко выдохнула.

— Потому что такие женщины на свадьбах Харперов случайно не оказываются.

— Какие именно?

— Не надо. Ты ведь не настолько наивна.

— Ты ее боишься? — спросила Ника прямо.

Вопрос попал в цель. Тина замерла всего на секунду, но этого хватило.

— Не говори глупости.

— Тогда почему ты плакала сразу после того, как увидела ее здесь?

Тина ничего не ответила.

Между ними повисла короткая тишина. Та самая, в которой ни одна не хочет отступить первой.

Тина отвела взгляд, провела пальцем под глазом и спросила, как будто между делом:

— Она что-то тебе про меня рассказывала?

— А должна была?

Тина посмотрела на нее резко.

— Послушай. Я не хочу портить тебе день. Но если Андрея здесь, я хочу понять, зачем.

— Затем, что я ее пригласила.

Тина тихо рассмеялась. Смех вышел коротким и злым.

— Ты правда думаешь, что здесь что-то происходит просто так?

Ника почувствовала, как внутри что-то неприятно царапнуло.

Она шагнула ближе.

— Чего ты хочешь?

— Сейчас? — Тина больше не улыбалась. — Чтобы ты держала Андрея подальше от Джона.

Она тоже подошла ближе. От нее пахло дорогими духами и чем-то аптечным, холодным, почти стерильным.

— Запомни одну вещь, — сказала она тихо. — Женщин в этой семье не любят. Их держат рядом, пока они удобны.

У Ники по спине медленно прошел холод.

Тина выдержала ее взгляд.

— Я сейчас про тебя.

Тина отступила, поправила волосы, провела ладонью по платью и взялась за ручку двери.

— И все-таки при чем здесь Андрея? — спросила Ника.

Тина обернулась через плечо.

— При том, что она приехала сюда не смотреть, как ты выходишь замуж.

— Тогда зачем?

Тина посмотрела на нее уже сухими глазами.

— Спроси лучше не меня, а себя. Почему Волк решил вернуться именно в день твоей свадьбы.

Глава 2

Свадьба все еще шумела вокруг, как дорогая, идеально отрепетированная ложь.

С веранды тянуло нагретым деревом, цветами и шампанским. Белые скатерти слепили глаза, вода за стеклянными перилами плавилась в заходящем солнце, официанты двигались так слаженно, будто тоже были частью декора. Кто-то смеялся слишком громко, кто-то уже обсуждал сделки, кто-то снимал молодоженов на телефон с тем жадным вниманием, с каким всегда смотрят на чужую красивую жизнь.

Ника отошла на несколько шагов от основной компании и быстро огляделась в поисках Андреи. Улыбка уже сводила скулы. Плечи ныли от напряжения. Но сильнее всего бесило не это. Андрея исчезла именно тогда, когда была нужна.

Идея отключить телефон перед свадьбой казалась спасением. На несколько дней вырезать из жизни шум, новости, ленту, чужие голоса и бесконечные дерганные решения. Даже инструктор по йоге заметила, что Ника стала спокойнее. Мягче. Будто наконец выдохнула. Ника и сама почти поверила, что это работает. Что если убрать лишнее, внутри тоже станет тише.

Не стало.

Два месяца после той ночи она держала себя так жестко, будто это и правда могло что-то решить. Они с Волком договорились не видеться. Не лезть друг к другу в голову. Дать времени сделать за них грязную работу. У Ники был план, холодный и правильный. Несколько месяцев прожить в браке с Денисом, привести бумаги в порядок, зафиксировать все, что нужно по компании, и потом спокойно выйти из этой сделки без лишнего шума. Волк в это время должен был уйти в подготовку к реваншу. Полгода каждый занимается своим. Полгода без срывов. А дальше они встретятся и решат, что вообще делать друг с другом.

План был хороший. Почти безупречный.

Только после слов Андреи на церемонии она все-таки заглянула в телефон.

Конечно, он звонил.

Ника сама виновата. Со своим детоксом она пропустила несколько важных новостей лиги. История с дракой после предтитульного боя, которую Волк устроил на эмоциях, почти сошла на нет. Основные вопросы закрыли, осталась только пресс-конференция. После нее он улетал в Таиланд на сборы. Если бы не телефон и не два его коротких сообщения, Ника, возможно, вообще не узнала бы, что у нее еще есть шанс увидеть его до отъезда.

И именно это сейчас не давало ей нормально дышать.

Увидеть его. До того, как он исчезнет на месяцы. До того, как между ними снова встанут километры, чужие люди, бой, подготовка, гордость и все то, что они оба так старательно называли правильным решением.

Господи, как же сильно ей хотелось сорваться и увидеть его.

Ника машинально сжала ножку бокала. Взгляд сам наткнулся на Тину. Молодая жена Джона уже шла через газон в ее сторону на своих невозможных шпильках, широко улыбаясь. Идеальный образ портила только растекшаяся тушь под левым глазом.

Только этого сейчас и не хватало.

После разговора в уборной Тина стала слишком явной проблемой. Откуда эта сука знает про Волка? И что у нее вообще за дела с Андреей?

И где, черт возьми, сама Андрея, когда нужна больше всего?

Шампанское в бокале Ники дрогнуло раньше, чем она услышала голос Джона Харпера.

Он появился слишком близко. С тяжелой, уверенной нетрезвостью человека, который привык, что ему никто ничего не скажет ни в каком состоянии. От него пахло дорогим виски,

жарой и властью, которую он даже не пытался прятать. Сначала он посмотрел не на Нику, а на Тину. Как будто проверял не жену, а вещь, которую кто-то посмел сдвинуть не на то место.

— Я тебя где оставил? — спросил он с ленивой хрипотцой, от которой по коже сразу пошел холод.

Тина улыбнулась так быстро, что на это было почти больно смотреть.

— Почему я должен тебя искать?

Сказано было негромко, почти без нажима. Но в этой тишине между ними не было ничего мягкого. Джон взял у проходящего официанта новый бокал, даже не взглянув на него, отпил и только потом положил ладонь Тине на поясницу. Со стороны этот жест мог сойти за супружескую близость. Вблизи все выглядело иначе.

Пальцы Тины едва заметно напряглись на ножке бокала.

— Поздравляю, — сказал Джон, наконец повернувшись к Нике.

— Спасибо, — ответила она.

— Вы с моим сыном отличная пара. И я люблю, когда люди не затягивают с правильными решениями.

Ника удержала его взгляд, хотя сильнее всего хотелось отвернуться.

— Денис умеет принимать верные решения, — сказала Ника ровно. — Надеюсь, я тоже.

Джон усмехнулся, отпил еще и перевел взгляд на Тину. Всего на секунду, но и этого хватило, чтобы Нике снова стало не по себе. Рядом с ним любой человек слишком быстро переставал быть собеседником и становился фигурой в чужой игре.

Тина молчала. Только держала спину слишком прямо и улыбалась уже не так уверенно, как шла к ней через газон. Под растекшейся тушью левый глаз казался темнее, и от этого дорогая безупречная картинка вдруг пошла трещиной.

— Главное, не перепутать правильное решение с последним свободным, — сказала она вдруг и тут же сделала глоток шампанского.

Джон медленно повернул к ней голову. На его лице все еще держалась улыбка.

— Тина сегодня устала, — сказал он Нике. — Слишком впечатлительная.

Тина замолчала.

И именно в этот момент рядом появился Денис.

В идеальном костюме, с идеальным лицом мужчины, который за весь день ни разу не позволил себе выглядеть растрепанным или выбитым из роли. Он коротко посмотрел на отца, на Тину, потом на Нику. Этого взгляда хватило, чтобы считать все. И ничего не назвать вслух.

— Вот ты где, — сказал он тихо.

Его ладонь легла Нике между лопаток так, что со стороны это снова выглядело заботой. Но тело сразу отозвалось напряжением.

— Нам пора, — добавил Денис. — Машина уже подана, миссис Харпер.

Ника машинально кивнула, хотя от последних двух слов внутри неприятно сжалось.

Джон поднял бокал.

— Хорошей ночи, — сказал он, хитро улыбаясь.

Денис мягко направил Нику вперед, и она пошла рядом с ним через еще шумящую свадьбу, чувствуя на спине чужие взгляды, запах цветов, сладкого алкоголя и теплого дерева.

Телефон в ее руке коротко вибрировал так неожиданно, что сердце сразу ударило в горло.

Ника на ходу приоткрыла экран, просто на секунду, просто чтобы убедиться, что это не очередное поздравление.

Волк.

Не уезжай.

Дверь номера закрылась за их спинами тихо, почти бережно. Щелчок вышел мягким, дорогим, но Ника все равно услышала в нем что-то слишком окончательное.

За окнами темнела вода. Внутри было тепло, тихо и красиво до тошноты. Свет, цветы, ведро со льдом, отражения в стекле, постель, которую уже приготовили для них. Как будто не номер ждал их, а чужой сценарий, в который ее только что завели и закрыли изнутри.

Ника поставила сумочку на консоль и только теперь по-настоящему почувствовала, как сильно устала. Плечи ломило. Голова гудела от шампанского, музыки, чужих рук и голосов. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что в голове все еще стояли два слова.

Не уезжай.

Поздно.

Она закрыла глаза на секунду и потянулась к молнии на спине, но пальцы не сразу ее нашли. Денис подошел сзади так тихо, что она все равно вздрогнула.

— Дай, — сказал он негромко.

Его пальцы нашли бегунок молнии быстрее, чем ее пальцы. Медленно потянули вниз. Осторожно, без спешки. По коже сразу пошел холодок. Ника почувствовала, как тяжелое платье ослабло на талии, как воздух коснулся спины, и от этой обычной мелочи ее пробрало до мурашек.

— Ты вся как натянутая струна, — тихо сказал Денис.

Она усмехнулась, не оборачиваясь.

— Странно. День вроде был спокойный.

— Не для тебя.

Молния опустилась ниже. Платье стало тяжелее, мягко потянуло вниз. Денис не спешил отступать. Его ладонь задержалась у нее на пояснице, и это прикосновение было совсем не грубым. Просто уверенным. Как будто и здесь все уже давно решено за нее.

— Сними туфли, — сказал он уже ближе.

Он и это произнес так, будто не командовал, а заботился. И Ника все равно подчинилась.

Ника сбросила туфли, чувствуя, как усталость сразу ударила в ноги. Пол под ступнями оказался прохладным. Платье чуть сползло ниже. Денис помог ей освободиться из него без лишних слов.

Она осталась к нему вполоборота и вдруг очень остро почувствовала собственное тело. Оголенные плечи, тонкую ткань на коже, следы от украшений, жар в груди. Все смешалось слишком сильно.

Денис посмотрел на нее так, что стало ясно: он все это видит. И ее напряжение. И дрожь в пальцах. И то, как она из последних сил держит лицо.

— Ты сегодня была безупречна, — сказал он.

Ника тихо выдохнула.

— Звучит как оценка.

— Это и есть оценка, — сказал он. — И ты ее заработала.

Он подошел ближе. Не резко. Дал ей время увидеть это движение, привыкнуть к нему, не отшатнуться. Потом поднял руку и кончиками пальцев убрал волосы с ее шеи.

— И награда? — спросила она, сама не понимая, зачем.

Уголок его рта чуть дрогнул.

— Я думал, мы оба уже понимаем, что сегодня не время для игр.

Эта фраза ударила сильнее, чем хотелось бы. Потому что он был прав. И потому что она ненавидела его за эту правоту.

Денис наклонился и поцеловал ее в шею, медленно, без жадной спешки, будто заранее знал: торопиться некуда. Его ладонь легла ей на талию и медленно скользнула выше. Не грубо. Не так, чтобы можно было оттолкнуть и назвать это насилием. Хуже. Так, что тело само вспоминало, как отвечать на тепло, близость и мужскую уверенность, даже когда разум уже стоял по другую сторону.

Ника стиснула пальцы на краю консоли и закрыла глаза.

Не уезжай.

Поздно. Слишком поздно.

Денис развернул ее к себе. Его взгляд скользнул по ее лицу, ниже, снова вернулся к глазам. И от этой почти нежности внутри поднималась злость, потому что она не оставляла права на простой отказ.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Она посмотрела.

И в следующую секунду он поцеловал ее уже по-настоящему.

На этот раз Ника ответила сразу. Может быть, от усталости. Может быть, от злости. А может быть, потому что тело тоже сорвалось за этот день и теперь искало хоть какой-то выход. Его ладони скользнули по ее спине, прижимая ближе. Ровно настолько, чтобы она почувствовала: он не собирается отпускать эту ночь на самотек.

Поцелуй стал глубже и горячее. Ника вцепилась пальцами в его рубашку, сама не понимая, пытается ли удержаться или, наоборот, притянуть. Голова уже кружилась не только от шампанского. От него пахло чистой кожей, дорогим мылом и теплом мужского тела. От этого у нее подкашивались колени. В этом была отдельная, почти унижительная правда.

Завтра она поедет к Волку с памятью об этой ночи на коже.

Эта мысль должна была остудить. Вместо этого по телу только сильнее прошла дрожь.

Денис почувствовал и отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Вот так честнее, — тихо сказал он.

— Что именно?

— Когда ты пересташь делать вид, что тебя здесь нет.

От этих слов стало жарко и зло одновременно. Как будто он поймал ее не на желании, а на слабости. Будто уже забрал то, что она еще пыталась удержать внутри отдельно от него.

Ника сама потянулась к его галстуку и рывком ослабила узел.

Это было не согласием. Не нежностью. Не капитуляцией. Скорее злой, взрослой и очень телесной формой признания, что границу она уже переступила.

Денис понял это сразу. По тому, как изменился его взгляд. По тому, как он снова поцеловал ее, теперь уже жестче. По тому, как его ладонь легла ей на бедро и поднялась выше, заставляя забывать обо всем слишком быстро и все равно помнить о главном.

Не уезжай.

Ника вцепилась в его плечи и на секунду прижалась лбом к его щеке, будто этого касания было достаточно, чтобы спрятать собственное лицо хотя бы от самой себя.

Завтра она будет смотреть Волку в глаза.

А сегодня все равно оказалась в постели с мужем.

Глава 3

— Я уже решил, что ты передумала.

Голос Волка был ровным, почти спокойным. И именно от этой ровности по коже сразу пошел холод.

— Не смотри на меня так, — прошептала она и мягко коснулась его плеча.

Волк не отстранился. Даже не пошевелился. Сначала посмотрел на ее руку у себя на плече, потом медленно поднял взгляд на лицо. От этого тяжелого спокойствия у Ники внутри все сжалось еще сильнее. Волосы у него еще были чуть влажными после душа, на скулах лежали жесткие тени, и от этого он казался не спокойнее, а опаснее.

Ника слишком хорошо знала это его состояние. Снаружи почти лед. Внутри уже пошел огонь, который он пока еще держал под ребрами.

Она все-таки убрала руку, но поздно. Он успел поймать это прикосновение. И то, как она дрогнула. И то, как быстро отвела глаза, будто ей самой не хватало сил выдержать то, что она только что сделала.

Комната была полутемной, с открытой дверью на террасу. За стеклом чернела вода, где-то далеко тянуло ночным ветром и солью. На столе стояла почти пустая бутылка воды, рядом валялись тейпы, телефон, ключ-карта и спортивная сумка, наполовину собранная к вылету. Все выглядело так, будто он действительно собирался уехать. И все равно ждал.

Ника медленно выдохнула и только теперь по-настоящему почувствовала, как чуждо и дико выглядит здесь. В легком платье, наспех наброшенном поверх чужого правильного вечера. С убранными, но уже растрепавшимися волосами. С его сообщением, все еще горящим где-то под кожей. С памятью о другой ночи на теле, от которой хотелось содрать с себя кожу.

Волк скользнул взглядом по ее лицу, по шее, ниже. Не торопясь. Слишком внимательно. И Ника вдруг с мучительной ясностью поняла, что он смотрит не только на нее. Он считывает, откуда она приехала. Что на ней все еще этот день. Эта свадьба. Этот брак.

Ей стало жарко. Почти больно.

— Я не передумала, — сказала она тише, чем собиралась.

— Да? — Он усмехнулся без улыбки. — А выглядишь так, будто всю дорогу уговаривала себя не ехать ко мне.

Ника дернулась, как от удара. Потому что именно этим и занималась всю дорогу. Сначала, когда выходила из номера. Потом в лифте. Потом в машине. Потом, когда шла к его двери и уже почти развернулась обратно. Она столько раз за этот вечер пыталась сделать хоть что-то правильно, что теперь от этого слова тошнило.

— Не начинай, — сказала она.

— Я? — Его голос по-прежнему был ровным. От этого только хуже. — Ника, ты приходишь ко мне посреди ночи после собственной свадьбы и говоришь, чтобы я не начинал?

Ника подняла на него глаза и тут же пожалела. Лучше бы он орал. Лучше бы сорвался. Лучше бы схватил ее за плечи и сказал что-нибудь жестокое, простое, понятное. Но Волк не делал ничего. Только смотрел. И в этом взгляде было слишком много всего сразу: злость, голод, что-то темное, жесткое, почти унижительное. И еще что-то хуже, от чего у нее внутри все начало дрожать.

— Ты должен был улететь завтра, — тихо сказала она. — Я не знала, успею ли...

— Ты знала. — Теперь он перебил ее сразу. — Ты все знала.

Он подошел еще ближе и остановился почти вплотную. Ника почувствовала запах чистой кожи, воды после душа, чего-то холодного, мужского, слишком знакомого. От этого запаха тело предательски вспомнило все раньше головы.

— Ты знала, что я буду ждать, — сказал он уже тише. — Знала, что все равно приедешь. И все равно заставила меня считать минуты до твоих шагов за дверь.

Последние слова он произнес спокойно, но у Ники от них что-то резко сжалось под ребрами. Не потому, что он давил. Хуже. Потому что в этом спокойствии было слишком много правды.

Она хотела ответить резко. Хотела напомнить ему, что он тоже не святой. Что он сам согласился на эти полгода. Что сам отпустил ее в этот брак, пусть и стиснув зубы. Что никто из них не имел права сейчас делать вид, будто удивлен катастрофе. Но ничего из этого не прозвучало.

Потому что Волк вдруг поднял руку и медленно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев ее подбородка.

Ника застыла.

Это прикосновение не было ни грубым, ни нежным. Как будто он не ласкал, а проверял, настоящая ли она. Стоит ли сейчас перед ним, а не осталась там, под белой аркой, рядом с чужой фамилией, чужим кольцом и чужими обещаниями.

Его большой палец скользнул чуть выше, к щеке, и остановился.

— Ты в этом приехала ко мне? — спросил он негромко.

Ника не сразу поняла, о чем он. Потом поняла. Не про платье даже. Про весь этот чертов день, который все еще был на ней.

Она опустила глаза.

Вот теперь злость в нем стала ощутимой почти физически. По тому, как он стоял, как дышал, как смотрел на нее, будто из последних сил держал в руках что-то очень тяжелое и очень опасное.

— Скажи мне честно, — произнес он. — Ты приехала потому, что не смогла не приехать? Или решила красиво закончить это перед моим отъездом?

Ника резко подняла голову.

— Не надо со мной так.

— А как с тобой надо? — Он впервые за все это время улыбнулся, но от этой улыбки по спине у нее сразу прошел холод. — Как с чужой женой? Бережно? Аккуратно? С уважением к твоим обстоятельствам?

Она вздрогнула. Конечно, он это увидел.

И в следующую секунду его взгляд скользнул к ее губам, потом обратно к глазам. У Ники перехватило дыхание. Потому что теперь между ними стоял уже не только сам факт свадьбы. Стояло другое. Гораздо хуже. То, о чем они оба пока молчали.

Волк понял это первым.

Его пальцы медленно соскользнули с ее подбородка. Не отпустили, а именно соскользнули, будто даже это прикосновение он сейчас контролировал через силу.

— Он к тебе прикасался? — спросил он так тихо, что у нее внутри все оборвалось.

Ника не ответила.

Это было хуже любого ответа.

На его лице почти ничего не изменилось. Только рот стал жестче. И тишина между ними за одну секунду превратилась во что-то такое плотное, что Нике показалось: первой не выдержит именно она.

Она облизнула пересохшие губы и почти шепотом сказала:

— Волк...

— Не ври мне.

Теперь голос прозвучал ниже. Тише. И от этого опаснее.

Ника закрыла глаза на секунду. Этого хватило, чтобы снова увидеть номер, полутемное стекло, руки Дениса, собственную злость, собственную слабость. И от стыда ее обдало жаром.

Когда она открыла глаза, Волк все еще смотрел на нее так, будто уже знал ответ и все равно хотел услышать, как именно она его убьет.

Она поняла с ясностью, от которой стало почти страшно: если сейчас скажет хоть одно неверное слово, назад дороги уже не будет.

И именно поэтому все, что она смогла, было правдой.

— Я все равно приехала.

Ее слова повисли между ними так тихо, что Нике на секунду показалось: она сама их не сказала, а только подумала вслух. Но Волк услышал. Конечно, услышал.

Что-то в его лице едва заметно сдвинулось. Не смягчилось. Хуже. Как будто он и без того держался на одном упорстве, а теперь эта последняя опора тоже треснула.

Он шагнул к ней вплотную.

Ника не отступила. Уже некуда было. За спиной остался только край стола, прохладный воздух из открытой террасы и собственное слишком громкое дыхание. Волк остановился так близко, что она чувствовала тепло его тела даже сквозь тонкую ткань платья. От него пахло водой после душа, кожей и чем-то еще, от чего у нее сразу слабели колени. Чем-то слишком знакомым. Слишком ее.

— И что мне с этим делать? — спросил он негромко.

Вопрос прозвучал спокойно, но под этой спокойной интонацией Ника услышала все, что он не сказал. Что она все равно приехала к нему после чужой постели. После своей свадьбы. После всего, что они оба пытались назвать правильным решением. Что он все равно ждал. Что все равно открыл ей дверь. Что все равно хочет ее так, что это уже не похоже ни на гордость, ни на здравый смысл.

Ника подняла глаза.

— Не знаю, — честно сказала она. — Я вообще уже не знаю, что из этого можно исправить.

Он коротко усмехнулся, и от этой усмешки ее только сильнее пробрало холодом.

— Исправить? — переспросил он. — Ты правда еще думаешь, что мы с тобой сейчас про это?

Его ладонь легла на край стола рядом с ее бедром. Не касаясь. Просто перекрывая ей воздух еще сильнее. Ника сглотнула и почти с ненавистью почувствовала, как от этой близости тело опять предает ее быстрее головы. Хотелось оттолкнуть его. Хотелось вцепиться в него. Хотелось, чтобы он перестал смотреть так, будто видит ее насквозь. И хотелось, чтобы не переставал никогда.

Волк провел взглядом по ее лицу, потом ниже, к губам, к шее, к тонкой бретели, которую она все еще не поправила после спешки. Его челюсть дернулась так резко, что Ника заметила и это.

— Скажи мне одну вещь, — произнес он.

Она не ответила. Просто смотрела, уже понимая, что сейчас будет больно.

— Ты все еще правда думаешь, что через полгода просто подпишешь бумаги и выйдешь оттуда? — спросил он тихо. — Как будто это нормальный развод, а не сделка, в которую ты уже зашла слишком глубоко?

Ника медленно выдохнула. Вот оно. Не ревность даже. Хуже. Та часть правды, от которой она сама весь день отворачивалась.

— Я не "просто зашла", — сказала она так же тихо. — У меня есть план. Ты его знаешь.

— Знаю, — кивнул он. — И ты еще тогда делала вид, что все контролируешь.

Ника вспыхнула.

— Я и сейчас контролирую больше, чем ты думаешь.

Он усмехнулся без улыбки.

— Правда? Ты приезжаешь ко мне среди ночи после собственной свадьбы, дрожишь от одного моего взгляда и все еще рассказываешь, что контролируешь ситуацию?

Он наконец коснулся ее. Провел пальцами по ее голому плечу, медленно, почти лениво, и от этого короткого движения по спине у нее сразу прошла дрожь.

— Такие, как он, не любят проигрывать, Ника. Особенно не женщину. Особенно не ту, в которую уже вложили имя, деньги и право считать ее своей.

— Я не его.

— Мне это не надо объяснять.

Ника облизнула губы и заставила себя продолжить, пока еще могла говорить.

— Мне нужно полгода. Максимум. За это время деньги зайдут в компанию, я закрою самые слабые точки и выведу все так, чтобы он не мог задушить нас одним движением. Потом я уйду. Без истерик, без публичной грязи, без войны.

Волк смотрел на нее так внимательно, будто слышал не слова, а все, что она пыталась за ними спрятать.

— А если не отпустит? — спросил он.

— Отпустит.

— А если решит, что нет?

Его рука поднялась к ее шее. Не сжала. Просто легла там, где бился пульс. Ника замерла.

— Я не позволю загнать себя в угол.

— Уже позволила.

Она вскинула голову. Злость наконец прорвалась сквозь жар, страх и стыд.

— Тогда зачем ты вообще открыл мне дверь? Чтобы сказать, какая я дура? Чтобы еще раз ткнуть меня в то, что уже случилось? Я не прошу у тебя благословения на этот брак. И разрешения тоже не прошу.

Волк замер.

На секунду между ними стало так тихо, что Ника услышала только ветер с террасы и собственную кровь в ушах. Потом его большой палец чуть сдвинулся на ее шее, едва заметно, и от этого движения ей захотелось закрыть глаза.

— Ты пришла, потому что хотела услышать от меня не это, — сказал он низко. — А другое. Что я не отдам тебя ему на полгода и не сделаю вид, что так и надо.

От этих слов у нее по телу прошел жар, такой резкий, что пальцы на краю стола невольно сжались сильнее. Это было ужасно. Неправильно. Опасно. И именно это она хотела услышать всю дорогу сюда.

— Волк...

— Нет. Послушай теперь ты.

Он склонился к ней так близко, что его губы почти коснулись ее щеки, но не коснулись. От этой недосказанности стало только хуже.

— Я понял твой план. Правда понял. Но если ты думаешь, что за эти полгода он не начнет затягивать тебя глубже, ты врешь себе. Если думаешь, что сможешь уйти красиво, тоже. И если думаешь, что я буду спокойно смотреть, как ты живешь у него под боком и считаешь месяцы, ты вообще меня не знаешь.

Последняя фраза вошла под кожу медленно и горячо. Ника прикрыла глаза. Бесполезно. Так он становился только ближе.

— Тогда что ты хочешь от меня сейчас? — прошептала она.

Он молчал секунду. Слишком долгую. А потом его пальцы медленно сжались у нее на шее, ровно настолько, чтобы у нее снова перехватило дыхание.

— Правду, — сказал он. — Не план. Не расчеты. Не красивую версию для самой себя. Правду.

Ника открыла глаза.

— Правда в том, что я все равно бы приехала.

Ника попыталась отвести взгляд, но в следующую секунду его пальцы снова нашли ее подбородок и заставили поднять лицо.

Не грубо. Но без права спрятаться.

— Я не хочу сейчас говорить о нем, — прошептала она.

— А я хочу, — сказал он. — Потому что ты пришла ко мне с ним на коже.

Она дернулась, пытаясь отвернуться, но Волк только сильнее сжал пальцы на ее подбородке. Ровно настолько, чтобы она поняла: он больше не собирается делать вид, что все это можно обойти аккуратными словами.

— Смотри на меня, — сказал он тихо.

И Ника посмотрела.

В его глазах уже не осталось ни привычной усмешки, ни ровного льда, ни той дистанции, за которую она цеплялась с порога. Там было желание. Злость. Голод. И тяжелое напряжение от того, что ему приходится сейчас стоять напротив нее и держать себя в руках.

У нее сбилось дыхание.

Волк заметил и это тоже. Его взгляд потемнел еще сильнее.

— Вот теперь честно, — произнес он.

Его рука соскользнула с ее подбородка на шею. Медленно, тяжело, так, что у Ники по спине сразу пошли мурашки. Большой палец скользнул под линией челюсти, задержался у самого пульса. Словно Волк не трогал ее, а проверял, насколько быстро она бьется от него теперь. После всего. Несмотря ни на что.

— Я тебя сейчас ненавижу, — сказал он полупшепотом.

И в следующую секунду наклонился так близко, что его дыхание уже касалось ее губ, а ей осталось только одно — либо оттолкнуть его, либо окончательно перестать себе врать.

Глава 4

Частный терминал был тихим ровно настолько, чтобы сразу стало понятно, сколько стоит эта тишина.

Светлый камень под ногами, мягкий холод кондиционеров, низкие диваны цвета песка, вода в тонком стекле, полотенца с легким цитрусовым запахом. Здесь все было устроено так, чтобы человек вообще не вспоминал о мире, где нужно ждать, подстраиваться и терпеть чужой ритм.

Ника сняла очки и на секунду прижала пальцы к переносице. Кожа горела после перелета, волосы тянули у корней, плечи ныли. Хотелось хотя бы пару минут просто посидеть молча и не чувствовать на себе ничего внимания. Но рядом с Денисом это желание быстро теряло смысл. Он умел молчать так, что даже тишина рядом с ним переставала быть нейтральной.

Напротив сидел Денис: свежий, гладко выбритый, в белой рубашке с закатанными рукавами. На загорелом запястье темнели часы. Дорога его не утомила. Она как будто существовала только для того, чтобы переносить его из одной среды в другую.

К ним почти бесшумно подошла девушка в кремовой форме.

— Мистер Харпер, мисс Грин, все готово. Багаж уже отправили на остров. Вылет через пять минут.

Мисс Грин.

После свадьбы эти два слова действовали на Нику лучше воды и кондиционера.

Она потянулась к воде. Стекло было ледяным, пальцы сразу намочили от конденсата. Денис смотрел на нее спокойно, без улыбки. С таким лицом он обычно ждал, когда человек сам скажет больше, чем собирался.

— Ты слишком тихая, — сказал он.

Ника отпила воды.

— Я сутки провела в дороге.

— Не только поэтому.

Ника откинулась на спинку дивана и заставила себя расслабить плечи. Сейчас ей нужны были не воспоминания и не та дрожь под кожей, которая осталась после вчерашней ночи. Ей нужны были сроки.

— До острова долго? — спросила она, кивнув на панорамное окно.

— Около сорока минут.

— И потом сразу вилла?

— Да.

Она посмотрела в окно. На бетоне дрожало марево. Белый корпус вертолета казался слишком гладким на фоне полосы воды вдаль.

— У отца уже все на руках? — спросила она, как будто между прочим.

Денис не ответил сразу.

— Что именно?

— Не надо, Денис.

Он чуть дольше задержал на ней взгляд.

— Тебя интересуют формальности или сроки?

Ника усмехнулась, но сухо.

— Ненавижу, когда ты начинаешь разговаривать как на переговорах.

— Ты сама всегда приходишь к ним, когда нервничаешь.

Спорить с этим было бессмысленно.

— Мне нужно понимать, когда у тебя будут развязаны руки. Не только как у сына.

Денис чуть подался вперед. Белая ткань рубашки натянулась на предплечьях.

— Процесс уже пошел, — сказал он. — Как только брак проходит подтверждения, дальше никто не тянет. Все выстроено заранее. Но мгновенно такие вещи не делаются. Несколько дней. Может быть, чуть больше.

Ника кивнула, как будто этого было достаточно.

Она перевела взгляд на площадку. За стеклом двое сотрудников в наушниках уже ждали у вертолета. Воздух над бетоном дрожал от жары, за полосой серого уже блестел океан. Хотелось оказаться в движении, где можно будет смотреть куда угодно, только не на него.

Девушка из персонала вернулась через минуту. Все было готово к вылету.

Денис поднялся первым. Ника встала следом, чуть медленнее. После долгой дороги пол под ногами казался ненадежным. Денис дождался ее и, когда они пошли к выходу, положил ладонь ей между лопаток.

Мягко.

Но этого хватило, чтобы она почувствовала его всем телом.

Снаружи жара накрыла сразу. После кондиционированной тишины терминала воздух показался почти телесным, влажным, соленым. Их везли в низком багги по закрытому коридору, мимо стекла, бетона, полосы воды и сотрудников, которые смотрели ровно туда, куда им следовало смотреть.

Ника сидела прямо, чувствуя, как ветер трогает выбившиеся у висков пряди. Денис сидел рядом так близко, что его бедро время от времени касалось ее через тонкую ткань брюк.

Вертолет уже ждал с запущенными винтами. Белый, гладкий, дорогой. Пилот поздоровался с Денисом с той спокойной узнаваемостью, которая бывает только у людей, давно привыкших обслуживать один и тот же уровень жизни.

Когда машина поднялась в воздух, Ника на несколько секунд все-таки забыла о нем.

Вода внизу была невозможной. Не открыточно-голубой, а живой, многослойной. Белые полосы песка, темные рифы, стеклянная бирюза на мелководье и густая, почти чернильная глубина дальше, где океан уже не казался красивым. Он казался древним. Опасным. Настоящим.

Острова лежали далеко друг от друга, как будто каждый вырезали из мира отдельно и оставили тем, кто привык покупать себе целую реальность.

От этой красоты не становилось легче.

Потому что рядом с ней сидел ее муж. И этот муж вез ее туда, где даже мысль о побеге казалась чем-то чужим, почти неприличным.

Ладонь Дениса легла ей на колено.

Ника не шевельнулась. Только почувствовала, как живот сразу стянуло, а мышцы под его пальцами стали жестче.

— Красиво, — сказала она, не отрываясь от воды.

— Да.

— И очень изолированно.

— В этом и смысл.

Впереди начал вырастать остров.

Сначала он казался просто полосой зелени на воде. Потом стали видны белый берег, длинный деревянный пирс, крыши, утопленные в листве, светлый песок, на котором не было никого лишнего. Ни музыки. Ни детей. Ни чужих тел у воды.

— Скольковилл? — спросила Ника.

— Одиннадцать.

Его пальцы на ее колене едва заметно сдвинулись выше.

Внизу уже ждал пирс. Несколько сотрудников, белый электрокар, темная дорожка в зелени, за которой начиналась та самая дорогая, красивая изоляция.

Она сама наклонилась к нему ближе, чтобы голос не потерялся в шуме винтов.

— Постарайся не вести себя так, будто уже купил меня целиком. Персонал все видит.

Денис даже не улыбнулся.

— Не целиком, — сказал он тихо. — Но ты уже ближе, чем думаешь.

Вертолет мягко коснулся площадки.

Вилла почти не читалась с площадки.

Электрокар мягко свернул с основной дорожки, зелень сомкнулась плотнее, и только потом между стволами начали проступать темное дерево, полосы стекла, светлый камень и длинные тени под широкой крышей.

Ника вошла первой. После влажной жары снаружи камень под босыми ступнями оказался прохладным, почти холодным, и от этого по телу сразу прошла короткая дрожь. Ветер с океана шел прямо сквозь открытую гостиную, шевелил легкий лен, трогал волосы у шеи. Вода в длинном бассейне лежала ровно и тихо, а сразу за ней начинался океан — слишком близкий, светящийся, спокойный.

За спиной негромко закрылась дверь спальни.

— Тебе не нравится? — спросил Денис.

Ника обернулась.

Он уже успел снять пиджак, расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки и закатать рукава выше.

— Очень нравится, — сказала она. — Именно поэтому и не нравится.

Уголок его рта едва заметно дрогнул, но он не улыбнулся.

Он подошел ближе и остановился рядом, не касаясь. От него пахло чистой кожей, дорогим мылом и теплом мужского тела. Это было слишком живым, слишком неуместно человеческим на фоне вылизанной виллы, и Ника тут же разозлилась на себя за то, что вообще обратила внимание.

— Твой отец знает, что ты уже считаешь все своим? — спросила она.

— Мой отец считает своим все, что видит.

— Включая людей?

— В первую очередь людей.

Ника повернулась к нему.

— И ты?

— А я, в отличие от него, хотя бы не называю это любовью.

Сказано было тихо и очень ровно.

Ника на секунду замолчала.

— Ты сейчас про Тину?

— Я сейчас про всю его жизнь.

Он отошел к столу, налил себе воды и выпил половину стакана одним глотком. Только после этого снова посмотрел на нее.

— Ему всегда нравился один и тот же тип женщин, — сказал Денис. — Молодые. Красивые. Управляемые. Те, рядом с кем он чувствует не возраст, а власть.

— И Тина сыграла в эту игру лучше других.

— Тина не дура. В этом ее главная проблема.

Ника вспомнила тонкое запястье с темнеющим следом под рукавом платья и вопрос об Андрее, в котором слишком явно читался страх

— Ты ее ненавидишь?

Денис поставил стакан.

— Нет.

— Тогда что?

Он не ответил.

Ветер шевельнул занавесь между ними.

— Я помню тебя на дне рождения у Ливингстонов, — сказала Ника, сама удивившись, что именно это всплыло сейчас.

Денис посмотрел на нее внимательнее.

— Мне было двенадцать, тебе девять.

— Одиннадцать и восемь. И это был ужасный праздник.

Уголок его рта снова едва заметно дрогнул.

— Тебя тогда заперли в детской гостиной с остальными детьми, и ты возненавидела всех уже через полчаса.

Ника коротко усмехнулась.

— Не всех. Только девочек постарше, которые решили, что я для их компании недостаточно взрослая, недостаточно интересная и вообще лишняя. Они даже ничего не сказали прямо. Просто начали не замечать меня так старательно, что это заметила бы даже мебель.

Теперь он правда вспомнил. Это было видно по лицу.

Жара, чужой огромный дом, белые шатры в саду, взрослые с бокалами и дети, которые уже умели быть жестокими так, чтобы никто не мог предъявить им ничего конкретного. Ника тогда ушла за дом и села на низкий каменный бортик у боковой дорожки, изо всех сил стараясь не разреветься. Даже в восемь лет она уже понимала: хуже слез может быть только момент, когда их кто-то увидит.

Денис нашел ее там минут через десять. Не стал спрашивать, что случилось. Не полез утешать. Просто сел рядом, протянул ей бутылку воды и какое-то время молчал. А потом сказал своим слишком спокойным, почти взрослым голосом:

— Они специально делают вид, что ничего не было. Так удобнее. Тогда виноватой будешь выглядеть ты, если первой скажешь это вслух.

Ей тогда хотелось послать его куда подальше вместе с его умным лицом и мерзкой правдой. Но почему-то именно после этих слов стало легче.

— Ты уже тогда был невыносимо взрослым, — сказала Ника.

— Я просто рано понял полезные вещи.

— Например?

Денис выдержал ее взгляд.

— Например, что унижение лучше замечать сразу. И никому не показывать, насколько сильно оно задело.

Он подошел ближе снова. На этот раз вплотную.

Ника не отступила. Уже поздно было изображать, что ей все равно, где именно он стоит и как на нее смотрит. Здесь, на этой вилле, его близость чувствовалась иначе. Без городской дистанции, без стекла, людей и правильных пауз. Тело слишком быстро вспоминало, что у нее есть муж, который не орет, не давит, не требует — просто медленно занимает территорию, пока однажды не оказывается, что свободного пространства почти не осталось.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил он.

— О том, что ты все сильнее напоминаешь мне своего отца.

Это была жестокая фраза, и она это знала.

Но Денис остался спокоен.

— Неправда, — сказал он.

— Да?

— Он бы уже решил все за тебя вслух.

Прежде чем Ника успела ответить, Денис поднял руку и коснулся ее подбородка. Спокойно, почти легко, но без права отвернуться. Большой палец скользнул вдоль линии челюсти и задержался у края губы. От этого простого прикосновения у нее сразу стянуло живот.

— А я пока еще даю тебе возможность сказать самой, — тихо добавил он.

Ника заставила себя не двигаться. Не отводить взгляд. Не опускать глаза. Именно это, кажется, и нравилось Денису больше всего — когда она не была послушной, но все равно оставалась рядом.

— И что именно я должна сказать? — спросила она.

Он смотрел на нее слишком внимательно.

— Что ты уже понимаешь, где находишься.

— На вилле?

— Со мной.

Последнее слово прозвучало низко и почти спокойно. И именно поэтому в нем было больше власти, чем в любой грубой команде.

Ника почувствовала, как сердце ударило сильнее. Зло. Неровно. Она ненавидела это в Денисе. Ненавидела, как он иногда умел добраться до самой сути без всякой драмы. И ненавидела еще сильнее то, что тело это слышало не хуже разума.

— Ты слишком уверен в себе, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Я просто слишком долго ждал.

И в следующую секунду поцеловал ее.

Его ладонь скользнула с подбородка на шею, потом к затылку, удерживая ровно настолько, чтобы она не могла отвернуться, не признав, что делает. Ника сначала замерла. Потом все-таки ответила — зло, почти враждебно, как отвечают не от нежности, а от слишком долгого напряжения.

Вот только тело не делало между этим никакой разницы.

От его близости, от соли на собственной коже, от прохладного воздуха на террасе и горячего рта слишком быстро стало жарко. Ника уперлась ладонью ему в грудь — не чтобы оттолкнуть, а чтобы удержать дистанцию, которой уже почти не осталось. Под тонкой тканью рубашки чувствовалось твердое тепло тела. Денис понял это сразу. Перехватил ее запястье, медленно отвел руку в сторону и прижал к деревянной стойке у выхода на террасу.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Вот так, — тихо сказал он. — Не отворачивайся.

Он снова поцеловал ее, теперь глубже и жестче, с тем спокойным правом, от которого у нее слабели колени. Дерево у спины было теплым, его пальцы на ее запястье — крепкими, дыхание — слишком близким. В какой-то момент вторая его ладонь легла ей на талию, потом медленно скользнула выше, и этого хватило, чтобы у Ники сорвалось дыхание.

Он, конечно, услышал.

И только после этого отпустил ее руку.

Не потому, что смягчился. А потому, что уже взял свое.

Ника открыла глаза не сразу. Океан за его плечом был все тем же — ровным, красивым, почти неподвижным.

Денис провел большим пальцем по ее нижней губе.

— Я не мой отец, — сказал он тихо.

Ника медленно выдохнула.

— Пока нет.

Уголок его рта дернулся. Не в улыбке. В чем-то более темном.

— Вот за это я тебя и выбрал.

Телефон Ники, брошенный на консоль у входа, коротко завибрировал в тишине. Она дернулась бы к нему сразу, если бы Денис не посмотрел в ту сторону первым.

На секунду все замерло. Воздух, океан, занавески, ее собственное дыхание.

А потом Денис перевел взгляд обратно на нее и спросил совсем спокойно:

— Хочешь посмотреть, кто уже добрался до нас первым?

Глава 5

Из телефона один за другим сыпались короткие ролики.

— ...рано его списывать, но осторожничал он заметно больше обычного.

— У Волкова не такой стиль. Обычно он центр клетки забирает жестче и темп не отдает.

— ...да, снова полезли старые разговоры. Какая-то мутная семейная история, какое-то слишком темное прошлое...

Михаил листал их почти не мигая, как будто от того, что скажет очередной диванный эксперт, у него на кухне вдруг станет тише.

Экран светил в полутемную кухню холодным белым светом. На столе стояла открытая банка пива, тарелка с парой недоеденных пельменей и телефон с банковским приложением, которое он зачем-то открывал уже третий раз за вечер. Цифры там не менялись. Жизнь тоже.

Вчера он до ночи считал, как закрыть кредитку, аренду и еще дотянуть до зарплаты. Неделю назад снова влез в какую-то мелкую схему с перепродажей, которую в чате называли почти беспроектной, и опять только слил остатки.

Почти все, к чему он в последние годы лез ради быстрых денег, заканчивалось одинаково: сначала азарт, потом злость, потом ноль на карте.

Из комнаты доносился плач сына. Лающий, надрывный, с короткими паузами на вдох, как будто ребенок уже в два года что-то понял про эту жизнь раньше времени. Из кухни в коридор тянуло кислым молоком, влажным бельем и тем вязким семейным бытом, в котором все время кто-то кому-то должен и никто не доволен.

— Ты можешь хоть раз не тупить в телефон, когда я тебя зову? Я тут вообще одна, да? Одна? — крикнула жена из комнаты. — Миша, я серьезно, мне это уже поперек горла!

Он даже головы не повернул. Только подвинул банку ближе к себе, будто пиво могло сыграть роль перегородки.

Не потому, что не слышал. Наоборот. Слышал слишком хорошо. Просто если сейчас ответить, начнется привычное: ты опять ничего не сделал, ты опять забыл купить салфетки, ты опять обещал разобраться с заказом, ты опять сидишь как мебель. А у него не было ни сил, ни нормального ответа, ни денег, которые хотя бы на время могли заткнуть этот дом.

Он провел пальцем вверх. Экран дернулся. Новый ролик.

На экране какой-то спортивный тип с уверенным, сытым лицом водил ручкой по стоп-кадру боя.

— Вот здесь смотрите. Он не пошел добивать. Прежний Волков пошел бы сразу. А тут будто сам себе не доверяет.

Михаил криво усмехнулся и отпил пива. Сам он тоже любил разбирать чужой бой так, будто у него под рукой не банка, а тренерский секундомер.

Он вообще любил такие моменты. Сидеть на кухне, смотреть бои и мысленно понимать про чужую драку больше, чем понимали в кадре. Тут поздно сместился. Тут ногу не повернул. Тут зажал угол, но не дождал. Тут уже сел на усталость.

В собственной жизни у него давно почти ничего не было под контролем, зато в чужом бою на экране все почему-то виделось насквозь.

Хотя по-честному в последний раз он дрался лет в тринадцать. И то не в клетке, а за школой, где ему потом разбили губу о собственный зуб и хватило этого надолго.

Но бои он любил. Не фанатично, без мерча и без ставок на ползарплаты, как некоторые. Просто любил этот понятный мужской мир, где все решалось телом, злостью, терпением и тем, насколько ты готов идти вперед, когда уже больно. Там хотя бы было видно, кто сильнее.

В его собственной жизни все решалось иначе. Там вперед обычно лезли не сильные, а те, у кого родители, связи, наглость или просто удача получше.

Волк ему нравился именно тем, что не суетился. Не улыбался в камеру лишний раз, не играл в звезду, не продавал себя дешевым трепом. Просто выходил и делал так, что остальные рядом выглядели мельче.

Таких мужиков Михаил всегда понимал слишком хорошо. И слишком сильно им завидовал, чтобы просто любить.

Он снова листнул.

— ...после слива по возрасту спортивные медиа начали копать глубже.

— И тут интересно не только это. Волков очень давно и очень жестко молчит про ранние годы.

— Некоторые региональные истории сейчас тоже поднимают заново, но пока это все старые хвосты и слухи...

Следующий ролик был с нарезкой боев, тревожной музыкой и крупной подписью: ВОЛК СКРЫВАЛ ЭТО ГОДАМИ?

Михаил задержал палец над экраном.

— Ты вообще оглох? — снова крикнула жена. Теперь ближе. — Я ребенка уложить не могу, потому что он орет, я сейчас сама рядом с ним завою!

— Сейчас, — бросил он машинально и сам услышал, до чего лживо это прозвучало.

Жена появилась в дверях на секунду, с сыном на руках, растрепанная, в растянутой футболке, с лицом женщины, которая уже не верит ни в помощь, ни в обещания, ни в то, что когда-нибудь станет легче. Под глазами у нее залегли такие тени, будто она не спала уже не ночь, а целую жизнь.

Он скользнул по ней взглядом и сразу отвернулся. Смотреть на нее долго было почти так же неприятно, как в банковское приложение. И почти так же стыдно.

Он опять уткнулся в экран.

— ...мы, разумеется, не утверждаем, что Соловьев — настоящая фамилия Волка, но эта версия всплывает уже не в первый раз. И если смотреть старые региональные хвосты, совпадений там как-то многовато...

Соловьев.

В кухне ничего не изменилось. Все так же плакал ребенок, шумела жена, воняло едой и пивом, мигал холодильник с неплотно закрытой дверцей.

Соловьев.

У него неприятно стянуло под ребрами, будто внутри за что-то резко потянули.

Фамилия была не редкая. Таких Соловьевых полстраны. И все же что-то внутри уже сдвинулось, зацепилось, как ржавый крюк за старую ткань, которую лучше было не трогать.

Он поставил ролик на паузу и вдруг понял, что пиво у него в руке давно стало теплым.

На экране застыло лицо Волка. Жесткое, холодное, чужое. Михаил смотрел на это лицо дольше, чем собирался.

Не потому, что узнал. Узнавать там было нечего. Но в тяжелой линии рта, в этом спокойном, почти злом холоде было что-то неприятно знакомое. Не лицо. Порода.

Жара здесь не висела в воздухе. Она лежала на коже.

Она пропитывала майку, стекала по спине, забиралась в глаза соленым потом, делала каждый вдох гуще и тяжелее. Под низкой крышей зала пахло резиной, влажным деревом, старым железом, мазью для мышц и чужой усталостью. Вентиляторы под потолком гоняли горячий воздух по кругу, но легче от этого не становилось. Здесь вообще не было ничего, что делало бы легче. Только честнее. Или ты держишь темп, или тебя с него срывает.

Волк бил лапы так, будто они ему что-то задолжали.

Короткие жесткие серии. Шаг, смещение, корпус, удар. Пот стекал по скулам, по шее, под тейпы на руках. Майка давно прилипла к телу, грудь ходила тяжелее, чем ему самому нравилось, но темп он не отпускал.

— Уже лучше, — бросил Першин, сразу выставляя следующую лапу. — Вторым номером. Темп не отпускай.

Он тут же сменил угол.

Волк рвано выдохнул, собрал корпус и отработал новую серию уже чище. Лапы хлопнули одна за другой. Левый прямой. Правый через руку. Колено. Выход в сторону.

— Вот так, — коротко сказал он. — А теперь еще пять.

Пять означало не пять ударов. Пять означало еще один кусок ада, в котором нельзя жалеть ни плечи, ни дыхание, ни голову. Волк кивнул, вытер предплечьем лицо и снова вошел в работу.

Волк работал зло. Поражение бесило его до сих пор сильнее, чем должно было.

Не сам факт проигрыша. С этим в спорте живут все. Бесило, что он слишком хорошо помнил тот вечер внутри себя. Как нога в какой-то момент начала отвечать не так, как должна. Как тело, которое всегда было его главным аргументом, впервые за долгое время дало сбой. Как потом каждый второй умник полез разбирать его по кускам, будто он не человек из мяса и боли, а неудачный бой из нарезки.

Першин опустил лапы.

— Все. Достаточно.

Волк сделал еще один шаг вперед по инерции и только потом остановился. Дышал тяжело. Пот стекал с подбородка на грудь. Сердце било в ребра часто и зло, как будто тоже не собиралось успокаиваться по-человечески. Он стянул перчатку, провел тыльной стороной руки по мокрому лбу и только потом согнулся, упершись ладонями в колени.

Пол под ногами потемнел от пота.

Где-то в дальнем углу жужжал старый холодильник с водой. За сеткой, натянутой вместо стены, дрожал белый тайский день. Пальмы снаружи почти не двигались. Воздух стоял густой, как кипятик. Рядом кто-то работал на мешке, дальше двое местных пацанов возились в партере, тренер из соседней группы орал что-то на тайском. Все это сливалось в один ровный шум, за которым можно было спрятаться от всего, кроме собственной головы.

Першин бросил ему полотенце.

— Ты опять работаешь так, будто хочешь вернуть все за один вечер.

Волк вытер лицо и шею, потом посмотрел на него исподлобья.

— А мне сколько вечеров на это оставить?

Першин не повелся на тон. И на злость не повелся тоже.

— Столько, сколько нужно, чтобы забрать грамотно, а не красиво сдохнуть в попытке все ускорить.

Волк отвернулся, подошел к канатам, взял бутылку воды и сделал несколько жадных глотков. Холодная вода ударила в горло, но не остудила. Внутри все равно оставалось то же самое. Тяжелое. Горячее. Упрямое.

Ему нужен был не просто следующий бой. Ему нужен был реванш. Не просто победа, а такая победа, после которой все заткнется хотя бы на время.

Волк опустился на деревянную скамью у стены и, не глядя, размотал бинты с одного запястья. Кожа под ними была красной, влажной. Где-то под этой ровной, привычной усталостью сидела еще одна заноза, которую он тоже не мог из себя выбить тренировками.

Ника.

Ее взгляд, в котором всегда было больше выдержки, чем ему нравилось, и все равно недостаточно, чтобы он перестал хотеть сломать этот контроль о себя. То, как она держалась

рядом с ним, будто все контролирует. И то, как быстро эта ее собранность давала трещину, стоило ему подойти ближе.

Он сделал еще глоток воды и зло закрутил крышку.

Даже здесь, в жаре, в лагере, в режиме, где день должен был состоять только из сна, боли, еды и работы, она все равно сидела где-то под кожей. Не мешала. Мешают мелочи. Она не была мелочью. Она просто не уходила.

Волк откинулся к стене, на секунду прикрыл глаза и медленно выдохнул. Пот уже начал остывать на коже. Мышцы наливались той приятной, тяжелой ватой, за которой всегда идет либо рост, либо ошибка. Выбирать между ними приходилось каждый день.

И сегодня он снова выберет рост. Другого варианта для него никогда не существовало.

Он посидел еще минуту, глядя в белый жар за сеткой, потом поднялся и пошел к умывальнику у боковой стены. Вода из крана шла еле прохладная, почти теплая, и все равно он сунул под нее голову, провел ладонями по лицу, по шее, по затылку. Капли стекали по груди, по животу, под резинку шорт. Дышать стало чуть легче. Думать — нет.

Его не сломал сам факт, что она вышла замуж. Это он мог разложить по логике, по срокам, по ее страхам, по этой ее чертовой привычке все просчитывать до последнего. Бесило другое. Что даже теперь, после чужой фамилии, после чужой постели, после всей этой правильной, расчетливой грязи, он все равно не чувствовал ее чужой.

Это было плохо. Неправильно. Опасно. И уже поздно.

И совершенно бесполезно объяснять себе это еще раз, потому что внутри все уже давно решилось без его согласия.

Полгода.

Полгода, за которые она хотела вытащить свою компанию, выстроить бумаги, не дать Денису сожрать все одним движением и потом красиво выйти из брака, будто такие браки вообще заканчиваются красиво.

Он не верил в это тогда.

Не верил и сейчас.

Такие, как Денис, не отпускают по-хорошему то, что уже встроили в свою жизнь. Особенно женщину. Особенно ту, которую уже показали миру рядом с собой. Волк слишком хорошо понимал этот тип мужчин, чтобы надеяться на вежливый финал.

Першин глянул на него исподлобья.

— Через сорок минут обратно выйдешь. Не сдохни раньше времени.

— Чтоб ты сдох! Иди в суд, а лучше сразу нахуй! Не звони сюда больше, сука!

Жена опять сорвалась на крик в коридоре. Голос у нее уже не звенел, а рвался, как дешевый пакет. Михаил даже не поднял головы. По этому мату, по этой сорванной ярости и так было ясно, кто опять добрался до их квартиры раньше денег.

Сам он сидел на кухне, пахнувшей пивом, кислым молоком и затхлым бытом, и ждал, когда на том конце наконец ответят.

Ответили не сразу. Несколько длинных гудков он просто смотрел в темный экран, где уже не было ни роликов, ни лица Волка, ни той чужой, уверенной жизни, в которую он только что так жадно вглядывался.

Когда женский голос наконец прозвучал, Михаил заговорил не сразу.

— Здравствуйте, — сказал он через секунду, и собственный голос показался ему чужим.

— Я по поводу Натальи Соловьевой. Это ее сын, Михаил.

Михаил сглотнул.

— Я хочу приехать, — сказал он. — Завтра к ней можно?

Глава 6

Ника сидела на унитазе, упершись босыми ступнями в теплый камень, и смотрела, как под стеклянным полом медленно проходят рыбы. Голубая вода дрожала от солнца, серебристые спины лениво скользили вниз, и от этой дорогой, безупречной красоты ее мутило только сильнее.

— Все будет хорошо. Все хорошо. Все хорошо, — пробормотала она и устало потерла висок.

Где-то она слышала, что если достаточно долго повторять правильные слова, жизнь в конце концов начинает им подчиняться. С ней этот метод работал с обычной для мира жестокостью: все и правда налаживалось, но всегда с опозданием, когда платить за это уже приходилось слишком дорого.

Она устала. Не той красивой усталостью, которую снимают душем, сном и дорогим кремом после перелета. Глубже. Грязнее. На ней сказалось все сразу: липкая идеальная свадьба, после которой хотелось смыть с себя чужие руки и чужие взгляды, прощание с Волком, от которого внутри до сих пор все было натянуто до боли, и эта новая семья, куда она вошла сама, трезво, расчетливо, без иллюзий, но где воздух уже сейчас оказался тяжелее, чем она предполагала.

Сделка была правильной. Она напоминала себе об этом уже который день. Деньги зайдут в компанию. Она закроет слабые места, укрепит все, что раньше держалось на честном слове, и вытащит промоушен туда, куда давно хотела. Несколько месяцев. Максимум полгода. Потом она выйдет из этого брака красиво. Без истерик. Без грязи. Без крови.

Только чем дальше, тем меньше Ника верила в слово красиво.

Слишком многое вокруг Дениса и Харперов было устроено так, чтобы снаружи все выглядело безупречно, а внутри затягивалось все крепче. Ника чувствовала это почти телом. По тому, как легко здесь решались вопросы. По тому, как быстро перед ней открывались двери, которые раньше приходилось выносить плечом. По тому, как новая фамилия уже работала на нее и одновременно стирала границу между ее силой и чужой властью.

Но сильнее всего ее сейчас беспокоила даже не семья мужа.

Андрея.

Ника уперлась локтями в колени и сцепила пальцы, глядя на дрожащие блики воды внизу. Волк доверял Андрею. Уже одно это значило слишком много. И с ней самой Андрея сблизилась слишком быстро, будто сразу поняла, как с ней говорить, где надавить, где промолчать, где оказаться рядом ровно в тот момент, когда это нужно. Между ними слишком легко возникло что-то похожее на понимание. Именно эта легкость теперь и не нравилась Нике больше всего.

Легкость вообще редко дается бесплатно.

Зачем Андрею нужна эта дружба? Просто так такие женщины ни к кому не привязываются. Ника не верила в бескорыстие людей, которые слишком хорошо знают цену красивой жизни и слишком дорого платили за свое место рядом с ней. В Андрею было что-то, чего она пока не могла поймать до конца. Не ложь. Хуже. Какая-то внутренняя свобода, из-за которой Андрея в любой момент могла оказаться не на той стороне.

И Тина.

Ника медленно выдохнула, но легче не стало. Связь Андреи с Тиной не была случайной. Это читалось слишком ясно. Общим было что скрывать, и обе слишком хорошо понимали, о чем лучше не говорить вслух. А главное, Тина знала про Волка. Не все, может быть. Но уже достаточно.

До Тины Волк принадлежал только себе и ей. Не в буквальном смысле, конечно. Ника не обманывала себя такими словами. Но то, что было между ними, жило в закрытом контуре, где опасность исходила только от них самих. Теперь в этот контур залез кто-то еще. Молодая жена миллиардера с заплаканными глазами, таблетками в крови и чужими тайнами в дорогой сумке. И у этой женщины, судя по всему, уже было оружие против Ники.

Ника всегда считала, что умеет разбираться в людях. С детства. Ей редко приходилось долго всматриваться, чтобы понять, кто перед ней, где человек врет, где трусит, где продается, а где просто красиво играет чужую роль. Это было одним из ее главных преимуществ. В бизнесе, в лиге, в переговорах, в любом мужском мире, где слабость быстро чувствуют и потом уже не забывают.

Но в последние недели эта уверенность пошла трещинами. Она все чаще сомневалась не только в людях вокруг, но и в самой себе. В том, что правильно видит, правильно слышит, правильно считает ходы. Денис был слишком спокоен, чтобы читать его до конца. Тина слишком напугана, чтобы быть просто красивой куклой. Андрея слишком удобна, чтобы не иметь своего интереса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.